

РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ: КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, НАСЛЕДИЕ

CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT: CULTURE, VALUES, HERITAGE

16 июля 2024 г. свой полувековой юбилей отмечает доктор исторических наук, профессор Дмитрий Владимирович Сень – известный российский историк, исследователь истории казачества.

Выпускник Кубанского государственного университета, Дмитрий Владимирович начал свой путь в большой науке с диссертационного исследования «Социальная и военно-политическая история некрасовских казаков (1708 г. – конец 1920-х гг.)» (1999), получившего высокую оценку научного сообщества и в дальнейшем ставшего основой для переизданной дважды монографии. Последующие годы – с 1999 по 2006 – были посвящены преподавательской деятельности в Кубанском государственном университете. В период с 2006 по 2010 гг. Дмитрий Владимирович работал в должности заместителя генерального директора по науке Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына, являющегося крупнейшим музейным учреждением Краснодарского края. В 2009 г. им была защищена докторская диссертация «Казачество Дона и Северо-

Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.)». С 2010 г. профессор Д. В. Сень преподает на кафедре специальных исторических дисциплин и методики преподавания истории и обществознания Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону).

Дмитрий Владимирович является автором и соавтором более 300 работ по истории казачества и старообрядчества на Дону и на Северном Кавказе, истории и культуре пограничных сообществ на Юге второй половины XVI – начала XIX в., истории русско-крымско-османских отношений XVII–XVIII вв. В число этих публикаций входят более десяти индивидуальных и коллективных монографий.

Среди заслуг юбиляра как активнейшее участие в престижных научных форумах, так и деятельность по организации различных мероприятий, нацеленных на эффективную коммуникацию представителей научного сообщества: историков, культурологов, этнографов. Это не только традиционные научные конференции, но и основанные на использовании высоких технологий перспективные форматы сетевого интерактивного взаимодействия ученых.

В 2020 г. за значительный вклад в сохранение и популяризацию исторического наследия донского казачества, многолетнюю эффективную научно-образовательную деятельность Д. В. Сень был награжден медалью ордена «За заслуги перед Ростовской областью».

Необходимо также отметить, что достижения юбиляра стали возможными во многом благодаря его неиссякаемой жизненной энергии, высокой требовательности к себе, сочетаемой с принципиальностью, широкому научному кругозору и, конечно, преданности профессии историка.

Поздравляя нашего уважаемого коллегу с юбилеем, редакция журнала «Наследие веков» желает ему здоровья, творческих успехов и благополучия!

Специальный гость:

СЕНЬ Дмитрий Владимирович
доктор исторических наук, профессор
кафедры специальных исторических дисциплин
и методики преподавания истории и обществознания
Института истории и международных отношений
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
dsen1974@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5222-4685

Собеседник:

КРЮКОВ Анатолий Владимирович
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Краснодар, Российская Федерация
anatoly.kryukow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7919-3938

УДК: [94(470+571)+930.1+930.2]+[930:316.64]-057.4(047.53)
ГРНТИ: 03.01.11
ВАК: 5.6.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.39.3.004

Стать историком и оставаться им: практики профессионального пути исследователя казачества (беседа с Дмитрием Владимировичем Сенем)

В интервью известного исследователя истории Юга России, доктора исторических наук, профессора Южного федерального университета Д. В. Сень, приуроченном к 50-летию юбилею ученого, отражены основные вехи его профессиональной биографии, становления и развития научного мировоззрения. Обширный исследовательский и педагогический опыт интервьюента позволил охарактеризовать важность кропотливой работы с историческими источниками, потенциальную неисчерпаемость любой проблемы, связанной с познанием прошлого, необходимость применения высоких технологий в научной деятельности историка и др. Подчеркивается ценность профессиональной рефлексии исследователя как одной из основ эволюции исторического знания и совершенствования культуры научного диалога. Отражено экспертное отношение Д. В. Сень к современным тенденциям в развитии казачеведения, охарактеризована историографическая ситуация, сложившаяся в настоящее время в данной отрасли, проанализированы имеющиеся достижения и проблемы.

Ключевые слова: Д. В. Сень, казачеведение, история казачества, некрасовские казаки, Войско Донское, донское казачество, горские евреи, профессиональная рефлексия историка.

Беседа записана 22 августа 2024 г.

А. В. Крюков: Добрый день, Дмитрий Владимирович! Позвольте от имени нашей редакции поздравить Вас с юбилеем! Надеюсь, что наша предстоящая беседа станет интересным и насыщенным диалогом. Если не возражаете, давайте начнем, и первый вопрос касается Вашего интереса к исторической науке. Когда и с чего он начался, что стало той отправной точкой, тем моментом, после которого Вы приняли решение связать свою жизнь с познанием, исследованием прошлого?

Д. В. Сень: Добрый день, Анатолий Владимирович. Большое спасибо за поздравления и за возможность дать интервью вашему уважаемому изданию. Этот интерес, о причинах которого Вы спросили, во многом стал результатом событий, а также воздействия среды, связанных с моим школьным, отроческим возрастом. Какую-то одну отправную точку, сформировавшую мой устойчивый интерес к истории, к прошлому, назвать проблематично. Но я отчетливо помню, что в школьные, в отроческие годы я активно и много читал. Поэтому мне кажется, что без обращения к домашней обстановке, к тем условиям, которые подвигали меня к прочтению новых книг, обойтись нельзя. Наша семья (родители и мы со старшим братом Андреем) проживали тогда в небольшом поселке под Краснодаром, соответственно, на территории Краснодарского края. Сколько себя помню, в родительском доме всегда было много книг, в том числе художественного содержания. Отец – Владимир Иванович, мама – Нина Степановна не были гуманитариями по образованию, но, повторюсь, полки с книгами составляли тогда привычную часть домашнего интерьера. Родители весьма поощряли мой интерес к книго чтению, равно как аналогичный интерес старшего брата Андрея (о нем я чуть позже расскажу, как о человеке, тоже повлиявшем на выбор моего гуманитарного будущего). Родители из года в год подписывали меня на различные детские и юношеские журналы, приобретали подписные издания, включая А. Дюма, М. Рида и многих других замечательных авторов. Некоторые из таких изданий были, что называется, дефицитными в позднесоветскую эпоху. Я также за-

читывался мифами и легендами Древней Греции в обработке Николая Куна, даже зачем-то пытаюсь заучивать текст наизусть, сидя во дворе родительского дома. На какой-то день рождения мама подарила мне редкую тогда для нашего круга книгу советского историка Н. Н. Молчанова «Дипломатия Петра Великого». Из других приятных хобби могу назвать многолетнее собирание почтовых марок и монет, которыми я регулярно менялся со своими поселковыми сверстниками. Таким образом, регулярное жадное поглощение множества книг (в том числе научно-популярных на историческую тему), соответствующую домашнюю, сопутствующую ему обстановку я считаю важными факторами своего становления как будущего гуманитария. Помню, что статьи по исторической тематике из знаменитого советского журнала «Вокруг света» побуждали меня, советского школьника, дважды написать в редакцию. К моему изумлению и несказанной радости я оба раза получал обнадеживающие ответы из этого журнала на его «фирменных» бланках!

Другой немаловажный фактор – это, конечно, школа (моя родная СШ № 7 х. Бойко-Понура Калининского района Краснодарского края, в которую я поступил в 1981 г.) и школьные учителя истории, профессиональные (по образованию) историки, точнее, семейная чета Буяновых – Владимира Семеновича и его супруги Веры Ивановны. Эти педагоги существенно повлияли на меня как на подростка-гуманитария и будущего историка, в том числе своими примерами сопереживательного и уважительного отношения к прошлому, блестящими по форме и содержанию рассказами о том, как можно и нужно учить историю и как интересно ее пересказывать! К слову, Владимир Семенович также поведал нам, как он учился в свое время на истфаке Кубанского госуниверситета, где, как оказалось впоследствии, доведется учиться и мне. Поэтому личный профессиональный пример двух учителей истории высочайшего уровня – замечательной супружеской четы Буяновых – тоже повлиял на усиление моего внимания к истории как увлекательному рассказу о прошлом

и к прошлому как событиям невероятно интересным и таким разным!

Еще один фактор усиливавшейся «историзации» пытливого подростка – это поселковая библиотека и «царившие» там замечательные библиотекари – Раиса Михайловна Коршикова (кстати, супруга председателя нашего колхозного парткома), невероятно образованная женщина, и Галина Шарова, которая была намного младше Раисы Михайловны (ее отчетство, к сожалению, не могу вспомнить). Они принимали меня в библиотеке как родного, активно поощряя мой читательский интерес, советуя ту или иную художественную, научно-популярную и энциклопедическую литературу; они также давали мне книги, ориентированные, условно говоря, на школьников более старшего возраста (в хорошем смысле, не подумайте ничего дурного). Так, в среднем школьном возрасте я легко осилил роман-трилогию Евгения Федорова о династии Демидовых – «Каменный пояс». Еще больше на мои представления о богатстве исторического прошлого и его людях оказали влияние исторические романы талантливейшего советского писателя Дмитрия Балашова о династии московских князей Калитовичей. И, конечно же, я взалел и много читал историко-художественные произведения Валентина Саввича Пикуля, поражающие и фактурой человеческих характеров, и интригующими сюжетами, и мастерским слогом изложения. Кстати, под влиянием книг Дмитрия Михайловича Балашова я стал было сочинять свою «историческую повесть». С трудом припоминаю сюжет, но это было повествование о некоем мальчишке из деревни, который, преодолевая трудности, попадает в Москву XIV в., – впрочем, более я ничего вспомнить из той «повести» не могу. Но, кажется, страниц десять этого незамысловатого текста я таки исписал в чистой школьной тетради. И еще о моих любимых библиотекарях: считаю высшим проявлением их доверия к себе тот факт, что разные тома классической и поистине ценной «Большой советской энциклопедии» они давали мне читать на дом... Вдогонку еще деталь воспоминаний – как-то (полагаю, что я уже был старшеклассником) Раиса Михайловна дала мне почитать один «толстый», как тогда говорили, журнал – так

я впервые узнал о творчестве Александра Исаевича Солженицына и его труде о русской революции. Впрочем, я понял немного из этого действительно сложного тогда для меня текста...

Таким образом, я очертил несколько кругов «культурного влияния», участники которых системно (и ненавязчиво, как понимаю теперь!) воздействовали на формирование моего устойчивого интереса к истории. Сначала соответствующая домашняя атмосфера (подчеркиваю, что родители, поощряя нас с братом Андреем в чтении, никогда не отказывали в приобретении книг и журналов). Далее – это блестящий пример педагогической деятельности супругов-историков – Владимира Семеновича и Веры Ивановны Буяновых (припоминаю, что часто и много задавал им вопросы на уроках истории, иногда в полемическом, как мне кажется, ключе). И, конечно, это наша большая библиотека на втором этаже сельского клуба. К слову сказать, я недавно общался со своей школьной учительницей математики, классным руководителем – Натальей Петровной Решетниковой. Она, в частности, вспомнила, что примерно в 5–6 классе увидела меня выходящим из все той же поселковой библиотеки с охапкой книг, причем эта охапка, по ее словам, клонила меня книзу. Наталья Петровна еще тогда удивилась и потом спрашивала у библиотекаря, зачем же та выдала ученику Сеню столько книг. Еще раз замечу, что этот небольшой сюжет извлечен из разговора с Н. П. Решетниковой, состоявшегося в х. Бойко-Понура совсем недавно, дней за 10–12 до интервью. Не могу не вспомнить о своих неоднократных (выездных) конкурсных, от нашей СШ № 7, докладах по истории и археологии в рамках работы так называемой Малой академии наук школьников в Краснодаре, откуда я несколько раз привозил поощрительные грамоты и какие-то призовые места краевого уровня. Любопытно, что в качестве членов жюри выступали и те историки (например, А. М. Ждановский и И. И. Марченко), с которыми в качестве преподавателей мне предстояло встретиться уже на истфаке КубГУ.

Существовал еще один весомый человеческий фактор, оказывавший влияние на мои

представления об истории и путях ее изучения, в лице близкого и дорогого мне человека – старшего брата Андрея. Здесь я должен уточнить, что являюсь не первым историком в нашей семье и в нашем роду, точнее, не первым человеком, получившим историческое образование. Так вот, первым в нашей семье историческое образование получил именно Андрей. Во второй половине 1980-х гг. он обучался на историческом факультете Кубанского государственного университета в Краснодаре, где и мне предстояло учиться, начиная с лета 1991 г. (хотя, конечно, не могу сказать, что это было предопределено). Андрей же, поступив на истфак в 1986 г., регулярно приезжал затем на выходные из Краснодара в наш поселок; рассказы об истфаке и его замечательных преподавателях (у многих из них я впоследствии учился) тоже знакомили меня с миром истории и историков. Он, помню, привозил домой исторические журналы и книги (которые тут же попадали мне в руки), рассказывал об обстановке на истфаке, о своих преподавателях – я же все более и более укреплялся в мысли о том, что поступлю на истфак и стану историком. Припоминаю (хотя здесь может иметь место ошибка в памяти о моих тогдашних мотивах и рассуждениях), что тогда, уже в конце 1980-х гг., твердо решил, что школьным учителем истории точно не буду. Конечно, я еще не вполне себе представлял, кто это такой – *другой историк* (то есть «историк-не-школьный-учитель») – и куда можно потом устроиться на работу, помимо школы... Но, повторюсь, почему-то я уверил себя, как припоминаю, что учителем истории в школу однозначно не пойду. Летом *того самого* 1991 г. мне довелось успешно сдать вступительные экзамены (набрав 15 баллов из 15) и поступить на истфак Кубанского госуниверситета в Краснодаре.

А. В. Крюков: И вот мы с Вами плавно перешли к следующему этапу Вашей биографии – периоду учебы в КубГУ. Скажите, какие встречи, события, лекции, учебные курсы, какие-то другие моменты, связанные с периодом обучения в университете, запомнились Вам на всю жизнь, стали самыми яркими воспоминаниями?

Д. В. Сень: Полагаю, что нельзя охарактеризовать учебный процесс в вузе отделяя его от анализа (или припоминания, как в моем случае) той обстановки, того сообщества преподавателей, которые системно и искренне занимались нашим обучением, будучи и учеными, и педагогами высшей школы. А заодно они своим примером прививали нам уважение к труду историка, к пространству академической свободы, *научая* быть истфаковцами... Вот почему мне кажется, что персонифицированное (хотя формально – выборочное, а значит – мозаичное) представление о своей студенческой жизни – вполне естественная форма припоминания о том времени (в моем случае, это были 1991–1996 гг.). Конечно, первичными являются воспоминания о блестящей плеяде наших преподавателей и наставников, многих из которых, к сожалению, уже нет живых. Дай Бог здоровья и долгих лет жизни всем тем, кто и поныне здравствует!

Могу назвать многих преподавателей, запомнившихся как своими фундированными знаниями, так и индивидуальной, непревзойденной манерой преподавания. Это профессор Валерий Николаевич Ратушняк (ставший затем моим научным руководителем диплома и кандидатской диссертации); «просвещенный антисоветчик», оратор, профессор Валерий Евгеньевич Щетнев; внешне суровый (только внешне!) и наимудрейший профессор Владимир Иванович Черный (ставший много позже моим «Шефом»); органично ироничный профессор Юрий Григорьевич Смертин. В. Н. Ратушняк, крупный ученый и организатор науки, заведовал кафедрой дореволюционной отечественной истории, а В. И. Черный – кафедрой новейшей отечественной истории и социологии. Многие другие преподаватели тоже оставили немалый след в памяти и душе, будучи органичной частью моего родного истфака. Это археологи Иван Иванович Марченко и Александр Михайлович Ждановский, историк-медиевист (некогда студентка самого профессора С. Д. Сказкина!) Светлана Константиновна Красавина, знавшая древнегреческий язык и изредка декламировавшая нам в оригинале античные произведения. Немалое впечатление производили на нас Светлана Самуиловна Минц (выпускница МГУ, весьма

качественно преподававшая историографию) и Флора Валентиновна Ватульян (читавшая очень насыщенную «Историю Азии и Африки»). Образно говоря, все наши преподаватели находилась ровным счетом *на своем месте*, сыграв свою персональную роль в приобщении нас к азам научного поиска, к свободной манере общения и дискуссий, к вузовским традициям академической свободы и к особой, *истфаковской*, культуре общения студентов и мастеров высшей школы, охотно шедших на диалог с нами в столь памятные для новой страны годы... Сужу лично по себе – истфак кардинально изменил многие мои социальные установки и представления о месте человека в нашей истории, в том числе не столь отдаленной от тогдашних 1990-х гг.

Мы искренне уважали – и при этом немало побаивались – своих преподавателей (их авторитет был непререкаемым), но в целом атмосфера на нашем факультете была достаточно дружелюбной и открытой. Мы, студенты-историки, учились во вторую смену, и после трех пар лекций еще успевали в краевую библиотеку – читали книги, готовились к семинарским занятиям и пр. Наш курс был довольно дружным, я учился в группе «Б». Готовясь к интервью, я припоминал имена и фамилии сокурсников, получивших впоследствии ученую степень. Выходит, что защитили кандидатские и докторские диссертации около 10 человек с нашего курса. Обратите внимание, что в трех группах «А», «Б» и «В» было примерно 40–50 человек (скорее, ближе к 50). Повторюсь, что около 10 человек (наверняка 7 или 8!) защитили кандидатские и докторские диссертации по истории, политологии, философии. Мы были очень интересным и, как мне представляется, весьма характерным курсом, тоже запомнившимся нашим преподавателям.

А. В. Крюков: Честь и хвала Вашим преподавателям, сумевшим обеспечить столь высокий уровень подготовки немалого числа студентов. К слову, кого бы Вы могли назвать своими учителями? Я имею в виду не только старших коллег, которые лично повлияли на Ваше становление как исследователя (о них вы очень подробно рассказали), но и ученых, труды которых Вы считаете основопо-

лагающими в теоретико-методологическом аспекте или же образцовыми в практико-исследовательском отношении. И, наконец, какие течения исторической мысли определили Вашу позицию как ученого?

Д. В. Сень: Вновь скажу о своих вузовских преподавателях тех лет. Подчеркиваю, что фундамент исторических знаний и ощущение принадлежности к корпорации нам давали и прививали именно они. Они – живые в общении, с немалым чувством иронии и самоиронии (уверяю!), привлекательные как личности, дававшие обильную пищу для наших гражданских рассуждений об эпохе, в которой, после 1991 г., нам довелось переживать и видеть **НОВУЮ ИСТОРИЮ**. Наконец, это ученые, активно развивавшие науку на факультете и в вузе. Это, прежде всего, упоминавшиеся выше Валерий Евгеньевич Щетнев, Валерий Николаевич Ратушняк, Владимир Иванович Черный, Юрий Григорьевич Смертин, а также Варган Григорьевич Кукуян и многие другие. Вспоминаю монументальную фигуру и чеканный профиль профессора Николая Ивановича Кирея (заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков), в которого тайно были влюблены, наверное, все девчонки нашего курса. К слову, Н. И. Кирей окончил истфак Ростовского госуниверситета и учился у профессора А. П. Пронштейна.

Легендарным для студентов многих поколений являлся доцент Анатолий Иванович Щербаков, гениально преподававший нам философию. Это был, наверное, один из немногих преподавателей, который не пользовался записями своих лекций. Точнее, какие-то листки он раскладывал перед собой, когда восходил на кафедру, но сам материал рассказывал, причем не просто рассказывал – он вещал. Смотрел в окно, чуть прищурившись, также, щурясь, с иронией смотрел на нас, чуть журил, если мы, в том числе и ваш покорный слуга, не очень старательно записывали лекционный материал. Это было потрясюще: вещал он увлеченно, глубоко, со знанием дела, причем по любому периоду – будь то античная философия, философия эпохи Средних веков, Нового и Новейшего времени. А. И. Щербаков был выдающейся личностью и, я думаю, органично соответствовал высочайшему интел-

лектуальному уровню факультета, на котором мне посчастливилось учиться в 1991–1996 гг.

Что же касается основ моего формирования как историка, то я воспитывался на истфаке в русле академической трансляции и обретения качественного позитивистского знания. Считаю это вполне нормальным, объяснимым и естественным для становления интеллектуального бэкграунда многих будущих историков, обучавшихся в условиях той менявшейся на глазах эпохи. Впоследствии (причем, должен сказать, не раньше начала 2000-х гг.) я испытал немалое влияние других теорий и концепций, других историографических течений и представлений (новая имперская история, концепция ментальных карт и воображаемой географии, теория фронта и пр.). Но и сегодня с глубочайшим уважением отношусь к понятию историографического факта, исторического факта, полагая двумя несущими столпами исторического знания историографию и источниковедение. Признавая относительность нашего с вами исторического знания о прошлом и методики исторического познания, превосходно понимаю, что аргументы любого научного труда должны подлежать верификации, что исследование должно опираться на прочную эмпирическую основу. Полагаю, что многое из моих сегодняшних представлений о «ремесле» историка – это в том числе «багаж» полученного мной классического исторического образования. Другое дело, что большинство из так называемых революций в области гуманитаристики и исторической науки почему-то прошли мимо нас, студентов КубГУ первой половины 1990-х гг. Разве что тренды «архивной революции» отразились на моем отношении к источникам по истории советской эпохи. На меня произвела сильное впечатление, например, книга историка Д. А. Волкогонова «Ленин». Помню, что, переживая откровение нового знания о той советской эпохе, я постоянно «нырял» в соответствующий список источников и литературы этой толстой книги.

А. В. Крюков: Спасибо большое. Следующий вопрос касается начала Вашего пути в большую науку, который связан с монографией, увидевшей свет в 2001 г. и впоследствии переизданной, – «Войско Кубанское Игнатово

Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.)». Книга до сих пор сохраняет свое историографическое значение в качестве одного из важнейших трудов в этой предметной области. Скажите, как Вы пришли к теме истории некрасовских казаков и чем обусловлено возникновение научного интереса к ней? И как в целом формировались и развивались Ваши академические интересы?

Д. В. Сень: Спасибо за вопрос, Анатолий Владимирович. Должен сказать, что на младших курсах меня «штормило» в тематическом плане. Столь очевидный разброс исследовательских интересов, может быть, вызовет улыбку у кого-то из читателей. Вначале это была история одной из восточных религий – митраизма, потом меня заинтересовали меоты, древние жители Кубани. Полагаю, здесь не случайна роль археологической практики и курса археологии, который нам читали И. И. Марченко и А. М. Ждановский. Потом я увлекся эпохой Павла I применительно к истории завоевания Россией Северного Кавказа. Одна из курсовых была посвящена обстоятельствам прихода к власти И. Сталина. И только на 3-м или на 4-м курсе в поле моих студенческих околонуучных интересов надолго попали казаки-некрасовцы. Причем не сказал бы, что здесь сыграл свою роль какой-то особый случай (точнее, уже не могу вспомнить); обращаю внимание на то, что меня заинтересовало не казачество в целом, а история одной конкретной группы – казаков-некрасовцев. Я стал писать курсовые под началом профессора В. Н. Ратушняка, выступать на студенческих Неделях науки и пр. К слову, когда я сам подошел к Валерию Николаевичу и сказал, что хочу писать у него курсовую по казакам-некрасовцам, он ответил примерно так: «У меня уже был студент, который даже защищал диплом по этой теме». Меня это не остановило, профессор не стал возражать, и наш творческий тандем продолжился. В 1995 г., когда я был еще студентом-старшекурсником, именно В. Н. Ратушняк взял меня на первую в моей жизни «взрослую» научную конференцию всероссийского масштаба в Ейске. Там я выступил с докладом на тему «К вопросу о характере ухода на Кубань дон-

ских казаков в августе 1708 г.» и опубликовал небольшую работу, тоже первую в своей жизни [18]. Впоследствии, когда я в 1996 г. поступил в аспирантуру по кафедре новейшей истории и социологии, В. Н. Ратушняк вместе с В. И. Черным выступили моими научными руководителями.

В студенческие годы мои преподаватели уже закладывали вкус к анализу исторических источников. Осенью 1994 г. (это крепко запомнилось) я отправился в Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) (расположенный, кстати, неподалеку от КубГУ), где и тогда, и много позже имело место неподдельно заботливое отношение тамошних архивистов к посетителям читального зала, а в целом царил совершенно замечательная атмосфера (хотя тогдашний директор, А. М. Неволлина, первоначально была строга ко мне, студенту, быстро ставшему «активным пользователем»). С тех пор в моей жизни формирующегося историка наступил благодатный новый период плотного общения с историческими источниками, и Госархив Краснодарского края стал первым местом, куда я отправился за документальными сокровищами. В моей дипломной работе (1996) уже было немало ссылок на первоисточники из фондов ГАКК. Другое дело, что палеографическому изучению (прочтению) источников (например, конца XVIII в.) приходилось учиться уже самому, на собственных ошибках...

Припоминаю, что архивисты некоторым образом удивлялись моей поисковой работе и периодически спрашивали, читал ли я ту или иную литературу по моей теме? Я говорил в ответ, что читал. «А эту статью, молодой человек, вы читали о казаках-некрасовцах или эту вот книгу»? Я снова отвечал, что читал. Постепенно в читзале привыкли к моему регулярному там пребыванию... Кстати, одну из первых статей в новейшей историографии по истории казаков-некрасовцев [22] опубликовал в 1993 г. Владимир Ильич Шкуро, архивист с большим стажем, один из замечательных сотрудников Госархива Краснодарского края. Источниковая основа этой статьи тоже была мной основательно проштудирована. Впоследствии я не раз обращался к Владимиру Ильичу за консультациями.

А. В. Крюков: Если я не ошибаюсь, в той статье шла речь о так называемой республике казаков-некрасовцев на Кубани?

Д. В. Сень: Да, у нее было весьма дискуссионное и, полагаю, неточное название – «Вольная казачья республика на Кубани и судьба ее обитателей», – но это уже другой вопрос. К слову, по отношению к прошлому казаков-некрасовцев на территории ногайской Кубани указанное выражение использовалось в историографии долго. С подобным суждением я категорически не согласен. Чуть забегаю вперед: некрасовцы являлись верноподданными крымских ханов и, конечно, не помышляли ни о какой самостоятельности, независимости от их воли или воли их представителей. Но у статьи В. И. Шкуро было действительно звучное название, и я прочитал ее достаточно внимательно.

А. В. Крюков: Спасибо большое за ответ. Скажите, пожалуйста, как расширялось предметное поле Ваших исследований с течением времени? Как постепенно Вы охватывали новые темы?

Д. В. Сень: Оговорюсь, что в 1990-е гг. основной круг моих научных интересов – изучение прошлого казаков-некрасовцев и всего, связанного с ними. Хотя поправлю сам себя, не всего. История Крымского ханства, многочисленные другие «восточные» контексты казачеведческой темы меня мало интересовали в то время. Признаться, это оказалось немалым упущением, а профессиональных советов от старших коллег по расширению проблемных полей для своих исследований я почти не получал. Мое гипертрофированное отношение к главному объекту исследования, конечно, оказалось чревато неоправданным снижением внимания к политической истории Крымского ханства, к другим категориям населения Кубани того периода, например, к ногайцам. Но, подчеркиваю, я никогда не идеализировал своих «героев», стараясь понять мотивы их ухода с Дона и принятия непростого решения – оставаться на Кубани, тогда входившей в состав Крымского ханства. Впрочем, с течением времени меня стала больше интересовать история донского казачества (ведь некрасовцы – донские казаки по происхождению), а затем – ногайцев и других подданных

Гиреев и Османов. Таким образом, главный объект моего изучения поспособствовал существенному расширению моих же тематических запросов к истории пограничных территорий и сообществ на Юге.

Не могу не сказать вот еще о каком деликатном аспекте: мои работы по истории казаков-бунтовщиков (успешно адаптировавшихся на территории восточных государств, противников царской России) вызывали со стороны некоторых старших коллег настоятельное отношение. Знаю наверняка, что их также не устроил мой тезис о том, что казаков-некрасовцев с полным основанием можно считать и называть *кубанскими казаками*. По-прежнему убежден в своей научной правоте. Хотя я не был маргиналом среди историков Кубани конца 1990-х – начала 2000-х гг., но все же: отголоски такого вненаучного дискурса порой отражались на судьбе моих текстов и творчества в целом. Один из старших коллег в разговоре с другим историком как-то назвал меня «очернителем истории кубанского казачества». Как историк я искренне полагаю это высказывание не ярлыком, но определенным комплиментом...

В конце 1990-х гг. в моем творческом поиске случилось прелюбопытное: к числу сообществ, которые меня сильно заинтересовали, добавились... горские евреи Кубани (XIX – начало XX в.). Не помню точно, по какой причине я стал заниматься данным сюжетом, но это оказалась крайне интересная по происхождению и особенностям жизни небольшая группа горских евреев Баталпашинского отдела Кубанской области. В Госархиве Краснодарского края мне удалось найти весьма ценный (и до того неизвестный в науке) документальный комплекс об этих евреях, и... открытия о Джегонасско-Еврейском поселке и его жителях последовали одно за другим. С моим другом Владимиром Колесовым мы стали с 2000 г. публиковать научные статьи по данной теме, выступать на всероссийских и международных конференциях. С тех пор в творчестве «казаковеда Дмитрия Сеня» появились сюжеты из области иудаики. История горских евреев Северного Кавказа и сегодня входит в пространство моих исследовательских интересов [15]. А вот изучением прошлого казаков-

некрасовцев я занимаюсь уже нерегулярно. Это к вопросу о том, что тематики, некогда интересовавшие нас, могут трансформироваться или терять для автора былую привлекательность. Мне это представляется совершенно нормальным для эволюции творческого пути профессионального историка.

А. В. Крюков: Большое спасибо. И все же тема некрасовских казаков, как я понимаю, считается Вами наиболее значимой из всего тематического спектра?

Д. В. Сень: На тот момент, когда делались первые серьезные шаги в «большую науку», это кандидатская диссертация (1999), защищенная по итогам обучения в очной аспирантуре КубГУ, первая книга в жизни молодого историка (2001) и тому подобные научные события, связанные с «некрасовской» темой. Устойчивый интерес к столь замечательному казачьему сообществу я пронес сквозь всю свою профессиональную жизнь. Обращаю внимание на то, что при работе над другими, смежными темами мне по-прежнему встречаются источники по истории некрасовских казаков. То есть они своими действиями достаточно «наследили» в пространстве российской делопроизводственной документации XVIII в. Выскажу гипотезу о том, что закрепление за казаками именно в таких документах номинации «некрасовцы» случилось раньше закрепления того же антропонима как основы их собственного (внутригруппового) самоописания / самообозначения. Несколько лет назад мной опубликована большая статья в двух частях о шпионской деятельности казаков-некрасовцев, первая такая в историографии [16] [17]. Оказалось, что лично атаман Игнат Некрасов и его сподвижники создали устойчивую шпионскую сеть, доставлявшую немалые проблемы российским пограничным администрациям. Таким образом, я не пишу об одном и том же, даже применительно к своим давним и любимым темам. Подчеркну, что очередного, третьего, издания книги о казаках-некрасовцах не предполагается: с одной стороны, это уже периферия моих исследовательских интересов, с другой стороны, появились новые источники об их пребывании и на территории Крымского ханства, и на территории Османской империи. Времени на обработку

этих материалов, увы, пока нет... Кроме того, в моем научном творчестве появились другие, не менее интересные и знаковые темы.

А. В. Крюков: Я, например, думаю, что своей работой Вы во многом «закрыли» ряд проблем, связанных с некрасовскими казаками. Закрыли в историографическом смысле, конечно. Не знаю, согласитесь ли Вы сами с подобной оценкой или нет, но у меня сложилось именно такое мнение.

Д. В. Сень: Не вполне соглашусь, Анатолий Владимирович. Представляется, что ни одна научная тема – ни большая, магистральная, ни, условно, малая – не может быть «закрыта» ни одним из историков как ныне здравствующих, так и будущих поколений. В целом я отношусь с изрядной долей скепсиса к утверждению о возможности «закрытия» учеными той или иной исторической темы. Полученное знание, оставаясь лишь приближенной реконструкцией прошлого, имеет обыкновение не только обновляться, но и устаревать. Появляются новые источники, новые методики осмысления как этих источников, так и уже введенных в научный оборот. Но главное – это все новые и новые интерпретации исторического материала, новые гипотезы и методы их верификации. Мне кажется, что сегодняшнее – прежде всего молодое – поколение историков, например, из Краснодарского края, могло бы на новых основаниях обратиться к прошлому казаков-некрасовцев. Кстати, не все положения, изложенные на страницах моей книги и многочисленных статей о казаках-некрасовцах, прошли проверку временем. И это вполне естественно и нормально – наука на месте не стоит, к тому же сами авторы должны быть способны при жизни признавать свои недочеты и, возможно, ошибки. Собственно, об отношении историков к создаваемым ими трудам мы, надеюсь, еще поговорим в ходе интервью.

А. В. Крюков: Ясно, спасибо большое. Когда я задавал этот вопрос, то тоже имел в виду определенный историографический этап. И что касается профессии историка, то каждый хороший исследователь прошлого – это во многом первооткрыватель. Научный поиск невозможен без обращения к архивным материалам и к документальному наследию.

Известный отечественный историк, ныне здравствующий Борис Николаевич Миронов отмечал в одном из интервью: «Историк живет в окружении источников, погруженным в них. Это потрясающее преимущество, которое делает его жизнь всегда интересной и наполненной смыслом» [6]. И Вы уже подчеркивали, что преподаватели всячески старались побудить в студентах интерес к источникам, стимулируя их обращение к «живым» документам. В море источников исследователь нередко находит настоящие жемчужины. Расскажите, пожалуйста, о Ваших самых интересных архивных находках, важных или неожиданных.

Д. В. Сень: Прежде всего, хотел бы сказать, что без работы и диалога с источниками я не состоялся бы как историк *ни при каких обстоятельствах*. Речь не только об эмпирической основе наших трудов, не менее важно чувствовать эпоху посредством мира источников, созданных людьми своего времени и необязательно – для твоего времени. Это первое. Второе: припоминаю высказывание не менее известного отечественного ученого Юрия Михайловича Лотмана, говорившего о том, что «историк обречен иметь дело с текстами» [11, с. 353], то есть с историческими источниками. Правда, я не преувеличивал бы обреченность самой работы с таким документированным наследием. Но историк действительно находится в постоянном контакте с прошлым через источники. Хотя это прозвучит банально, но прошлое, как случившееся, доступно для изучения лишь в формате работы с источниками.

В указанной связи ремесло историка неотделимо от повседневной, трудоемкой работы по выявлению и интерпретации исторических источников. К этому можно и нужно стремиться, полагая необходимой критическую верификацию информации, *добываемой* при такой работе.

Что же касается так называемых «жемчужин» среди прочих источников, Вы знаете, Анатолий Владимирович, не вполне соглашусь. Дело в том, что из таких «жемчужин», образно выражаясь, бусы не создашь в ходе эвристической работы над темой. Нескольким раз, впрочем, такие «жемчужины» попадались и мне. Например, это фотогра-

фии казаков-некрасовцев из с. Эски-Казаклар начала XX в. из Архива внешней политики Российской империи. Там же, а также в научном архиве Ростовского областного музея краеведения мне посчастливилось найти оттиски войсковой печати некрасовских казаков. Работая только с какими-то «эксклюзивными» историческими источниками, ты не напишешь множества других трудов, не поймешь многообразия той исторической действительности, которая породила массу других источников. Наконец, трудно судить о соотношении тех же «жемчужин» и основной, «рабочей породы» в виде другого исторического материала. Это как расхожее представление о том, что каждый «нормальный» историк *обязан* работать в архиве, вызывающее у меня отторжение (а как же, в таком случае, без достижений археографии?). Впрочем, лично мне посчастливилось работать с фондами около двадцати российских федеральных и государственных архивов – от Санкт-Петербурга до Астрахани.

Другое дело, что «эффект жемчужины» возникает в условиях некой критической массы обработанных тобой источников. Такое многократно случалось и со мной – к примеру, ряд важных исследовательских задач при работе над докторской оказался решен только после изучения архивных документов из Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН и Государственного архива Воронежской области. Поэтому работа с источниками – это трудоемкий и интеллектуально затратный процесс; вероятно, не ежедневный, но регулярный в пространстве и в процессах творческой лаборатории историка. К слову, мы же идем в архив не затем, чтобы найти какую-то конкретную «жемчужину», а для того, чтобы постараться обнаружить там новые источники, проверить свою методику их поиска. Причем зачастую оказывается, что эвристический потенциал того или иного источника ты можешь оценить лишь по прошествии какого-то времени. Ты вновь и вновь, даже спустя годы, обращаешься к одному и тому же историческому материалу. В моем личном архиве имеются архивные выписки, которым уже много лет... и они все еще «работают» на результаты моих изысканий.

Но бывает и такое, что имеющийся в распоряжении историка источник пока не интересует его. И только по прошествии времени, занимаясь новым сюжетом или новой темой, ты обращаешься к источнику, обнаруженному в связи с другим этапом эвристической работы. Это меня тоже пленяет и даже восхищает в процессе диалога историка с прошлым посредством непрекращающейся интерпретации исторических источников. Исторические источники неподатливы, они оказывают историка существенное «сопротивление». Это вовсе не означает, что исследователь вступает в «состояние» с неодушевленной сущностью, речь о другом: далеко не с первого раза он сможет извлечь информацию, заключенную в источнике. Начнем с того, что по той или иной причине ученый *просто не сможет прочитать текст источника...* При этом, я глубоко убежден, что эвристический потенциал любого исторического документа – например, духовной грамоты Ивана Калиты, акта Николая II об отречении, делопроизводственного источника, скажем, о каком-нибудь очередном военном походе на горцев в годы Кавказской войны – неисчерпаем. *Подчеркиваю, речь идет о потенциале любого исторического источника!* Жаль, что мимо этого важнейшего постулата о природе исторических источников проходят даже крупные специалисты по теории источниковедения. Между тем, такое положение вещей свидетельствует в пользу мнения о «незакрытости» форм и результатов познания прошлого в работе даже с одним и тем же историческим источником, казалось, исследованным уже «навсегда» и «до конца». Это потрясающе!

А. В. Крюков: Да, безусловно, с этим сложно не согласиться. В некоторой связи с предыдущим вопросом хотелось бы поинтересоваться Вашим мнением об одной идее (достаточно давно актуализированной в разнообразных дискуссиях): мол, белых пятен в нашей истории практически не осталось и рассчитывать на значительные открытия уже не приходится, а современная историческая наука – это сугубо аналитическая отрасль знаний. Как Вы относитесь к подобному мнению?

Д. В. Сень: Историческая наука, безусловно, является аналитической областью

знания. Без научного синтеза тех данных, которые мы извлекаем из исторических и историографических источников с помощью развитой методологии и методики, она не развивалась бы сегодня как ключевая дисциплина о прошлом. Что касается так называемых белых пятен в истории, то они, конечно же, остаются и, наверно, останутся. Не все явления и события прошлого, образно выражаясь, оказались в равной степени плотно документированы; более того – известное количество исторических событий либо изначально не отразилось в документах, либо до нас не дошло (не сохранилось), либо еще не выявлено. Представляется, что пространство и содержание *любой* исторической темы могут быть подвергнуты изучению даже сейчас, в первой четверти XXI в., что действительно возможно получить новые результаты в ходе прочтения уже известных источников и ревизии достижений существующей историографии.

Повторюсь, что я достаточно скептически отношусь к тезису (иногда звучащему из уст даже маститых ученых) о том, что по итогам работы того или иного исследователя конкретная тема может считаться «закрытой». Такого не может случиться по определению! В пространстве поиска исторических источников никто из здравомыслящих историков не может сказать: «Всё – поставлена точка, по “моей теме” источников более не существует или все они выявлены». Нельзя не сказать о том, что историческая наука, развиваясь в тесном взаимодействии с естественными и другими точными науками, сегодня получает все больше результатов в ходе реконструкции несохранившихся исторических источников – как части потенциальной источниковой базы. К слову сказать, когда я рассказываю студентам о перспективах исследования такой группы источников, они не сразу «прокачивают» мысль о том, что можно реконструировать исторические источники, «которых нет». Рассказываю на конкретных примерах, что подобные реконструкции возможны. В ряде случаев могут быть достигнуты весьма существенные результаты при обращении и к теме истории Киевской Руси, и более поздних времен – причем на основе источников, хорошо известных науке. Ведь уже сколько поко-

лений историков изучали, скажем, духовную грамоту Ивана Калиты. Ан нет! В ходе реставрации грамоты уже в постсоветской России было сделано важное открытие: на документе обнаружили цифру, которая, скорее всего, свидетельствует о том, что перед нами номер как отражение некой архивной описи великокняжеского архива. Соответственно, до проведения реставрационных работ об этом не было известно. Существенные открытия сделаны в ходе реставрации свитка Соборного Уложения, исследования Новгородской псалтири XI в., некрополя Архангельского собора и т.п. Повторюсь, что даже по отношению к источникам, уже введенным в научный оборот, могут быть сделаны значительные открытия, не говоря уже о том, что, например, Архивный фонд Российской Федерации насчитывает сотни тысяч единиц хранения! Значит, это *миллионы листов* только архивных документов! Молодые специалисты, да и не только они, могут быть уверены в том, что немалые возможности для открытий (имеется в виду, прежде всего, документальное измерение прошлого) сохраняются и в XXI в.

А. В. Крюков: Большое спасибо за ответ. Мне показалась достаточно значимой мысль о том, что многие открытия, упоминавшиеся Вами, были бы невозможны без использования современных технологий. Представляется, что последние десятилетия существенно поколебали ранее сложившийся в общественном сознании образ историка как человека, отрешенного от жизни, достаточно аскетичного, проводящего свое время за изучением пыльных архивных дел и старинных свитков. Современный исследователь прошлого идет в ногу со временем, с технологиями, учитывает прогресс средств и методов работы с информацией. Инструменты и ресурсы интернета существенно облегчают практику научных изысканий, ускоряют их. О таких возможностях еще два десятилетия назад мы могли только мечтать. Часто ли Вы пользуетесь цифровым инструментарием в своей исследовательской деятельности? И как Вы оцениваете состояние Рунета, то есть российского сегмента Интернета, в аспекте его наполненности информацией историко-культурного характера, необходимой ученым?

Д. В. Сень: Конечно же, определенные возможности Рунета используются мной в ходе научных поисков. Ведь исторические источники публикуются и в электронном виде, причем достаточно весьма развивающейся отраслью источниковедения в целом является так называемое электронное источниковедение. Огромное количество документов переводится в цифровой формат; прежде всего, речь идет о документах, находящихся на архивном хранении. Поэтому меня, как историка-дореволюционщика с большим опытом работы в архивах, весьма интересуют базы данных, в том числе в формате удаленного доступа к электронным образам документов. Сегодня все большее количество российских архивов использует подобные формы работы с пользователями. Это и федеральные архивы, и государственные архивы, а вот ведомственные, вероятно, – в меньшем объеме. И потом, много времени историку экономит работа как с оцифрованными документами (электронными образами документов), так и с описями. Признаться, если еще лет 10–15 назад в научной командировке ты тратил время в архиве на трудоемкую, но необходимую работу с описями, то теперь правилом хорошего тона для множества архивов стало размещение оцифрованных описей на своих сайтах в разделе «Научно-справочный аппарат».

Более того, сегодня все большее количество архивов, включая федеральные, охотно идут на организацию пользовательского заказа архивных дел (самого заказа, не выдачи дел!) в электронном виде. Это существенно экономит время и прочие ресурсы, включая материальные, для историков из регионов, которым тоже необходимо обращаться к фондам федеральных архивов, например, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива и многих других. Не могу не отметить успехи донских архивистов. Уже несколько лет назад был реализован и сейчас развивается такой комплексный проект, как «Донские архивы. Виртуальный архив Ростовской области» [4], существенно помогающий пользователям в поиске необходимой информации. Огромное ко-

личество полезных гиперссылок содержится на сайте Российского федерального архивного агентства [13], в том числе реализующего полезные для ученых и более широкого круга пользователей Интернет-проекты (в том числе с предоставлением доступа к электронным образам документов). Поэтому такого рода перспективные начинания в России, включая уже немалые достигнутые результаты цифровизации архивного дела, можно только приветствовать!

А. В. Крюков: Да, безусловно, представляется, что архивам и дальше необходимо осуществлять подобную работу, поскольку это фактически синонимично обращению к «подлинной истории», это работа с подлинными источниками, и надеюсь, что лет через 10–15 мы сможем наблюдать существенный прогресс в данной области. Обращаясь же к вопросам организации науки и одновременно продолжая тему высоких технологий: в 2020 г. Вы выступили одним из инициаторов организации и регулярного проведения межрегионального Донского казачьего научного семинара (ДКНС). Это мероприятие достаточно быстро стало заметным научным событием. Его заседания, проходящие в удаленном интерактивном режиме, представляют собой значимые историографические факты. Не могли бы Вы рассказать о том, как возникла идея организации данного мероприятия, как эта идея была реализована и каковы планы и перспективы дальнейшей работы? Если не ошибаюсь, недавно прошло девятое заседание и осуществляется подготовка к следующей, так сказать, юбилейной сессии.

Д. В. Сень: Спасибо за вопрос. Эта идея не принадлежала лично мне. Припоминаю, что вместе с коллегами мы проводили в 2020 г. круглый стол в стенах Института истории международных отношений (ИИМО) Южного федерального университета, где я, к слову, имею честь трудиться с сентября 2010 г. Этот круглый стол был посвящен 450-летию служению донского казачества Российскому государству [23]. На нем же состоялась презентация 3-томника документальных материалов по истории донского казачества молодого ростовского историка, кандидата исторических наук А. Ю. Перетягко. Прозвучали от-

менные доклады разных ученых, в том числе из Москвы и других городов. В ходе подведения итогов кем-то из коллег было предложено сделать регулярными мероприятия казакведческой направленности, вероятно, в формате семинара. Так получилось, что вместе с А. Ю. Перетятко мы стали сомодераторами этого нового в ИИМО научного мероприятия, начали проводить первые заседания, искать докладчиков, мучиться с технической частью и пр. Моим сомодератором по проведению ДКНС сегодня является кандидат исторических наук, доцент ИИМО ЮФУ М. Е. Шалак.

Основная идея, которую мы закладывали в «идеологию» ДКНС; – это сравнение выступающими историками своей позиции с различными другими взглядами и концепциями; но, что более существенно, – это представление докладчиками на каждом заседании ДКНС истории того или иного казачьего сообщества (того или иного актуального вопроса казакведения) *в сравнении с подобным ему*. Таким образом, во главу угла мы ставим историко-компаративный метод при озвучиваемой характеристике какого-либо явления или события из жизни *разных* казачьих групп (войск). При этом у нас выступают каждый раз два докладчика, темы выступления которых заранее известны обоим.

Второе методическое основание, которое мы тоже стараемся развивать в нашем деле: всем выступающим предлагается рефлексировать по поводу мотивов и причин, обусловивших их *личный* научный интерес к исследуемой проблеме. Кстати, проблема авторской рефлексии в пространстве создаваемых нами же научных нарративов – далеко не праздная для сообщества историков, в том числе историков, представляющих региональные научные центры и школы. Дело в том, что мы, историки, зачастую презентуем только результаты своей деятельности, но не находим (или избегаем?) возможности и желания рассказать о том, каким же образом мы пришли к этим результатам, почему занялись этой темой, как оцениваем свои труды на фоне имеющейся историографии и пр. Поэтому, открывая каждый раз новое заседание ДКНС, я прошу докладчиков уделить побольше внимания именно этой стороне вопроса, а также

рассказу о том, с какими сложностями исторического, историографического, методического характера они сталкивались при работе над докладом. Говоря другими словами, мы хотим *больше знать* об автобиографическом в научном нарративе [5] каждого из докладчиков, аккуратно моделируя соответствующую обстановку.

Наконец, третье: с согласия всех присутствующих мы ведем видеозапись собрания; обращаясь к коллегам в аудитории, я всегда говорю, что в процессе нашей совместной работы создается аудиовизуальный историографический источник! Таким образом, сочетание в «идеологии» ДКНС необходимых, в чем-то новых методических оснований позволило достаточно быстро и легко (прежде всего, благодаря мастерству выступающих) сделать данное продолжающееся мероприятие нужным для науки, запоминающимся и действительно нашедшим отклик в профессиональной среде историков-казакведов. Не так давно мы создали на платформе «Дзен» канал Донского казакведческого научного семинара [12], где выложили записи всех состоявшихся заседаний. Размещены там и другие материалы, прежде всего – видеовыступления наших докладчиков на прочих научных мероприятиях. Таким образом, уже сегодня можно анализировать развитие на практике идей и задумок (от души на это надеюсь!) нашего детища-семинара, работая с его материалами также в историографическом отношении.

Сейчас имеются предварительные договоренности с некоторыми будущими докладчиками. Если они подтвердятся, то в конце текущего года мы проведем десятую, юбилейную, сессию Донского казакведческого научного семинара. К слову, один из возможных участников – замечательный историк из Краснодарского края и сотрудник вашего института – кандидат исторических наук Виталий Вячеславович Бондарь. Он недавно опубликовал 2-е издание своей книги о войсковом городе Екатеринодаре [1]. Надеюсь, что в связке с ним окажется еще один специалист, изучающий либо феномен войсковых городов, либо, шире, урбанизационные процессы на территории казачьих территорий.

А. В. Крюков: Да, безусловно, я думаю, что участие В. В. Бондаря украсит семинар и станет успешным. При публикации нашего с Вами интервью мы даем ссылку на информационный канал семинара [12] для того, чтобы наши читатели смогли обратиться непосредственно к видеозаписям ДКНС. И следующий вопрос: как Вы оцениваете состояние и перспективы современных казакведческих исследований? Какова текущая историографическая ситуация в плане спектра рассматриваемых проблем и каковы основные векторы ее дальнейшего развития?

Д. В. Сень: Вы знаете, Анатолий Владимирович, судить о развитии казакведения даже на территории Юга России, где мы с Вами живем, достаточно сложно. В целом мне представляется, что пик своего развития (имея в виду состояние научной мысли на соответствующей территории постсоветской России) современное казакведение уже прошло. Пик прорывных казакведческих штудий пришелся все-таки на 1990-е – начало 2000-х гг. Собственно, тогда и сформировалось российское казакведение, тогда же оно в полной мере испытало влияние и общественных ожиданий (возрождение казачества), и властных структур, и прочих факторов развития, включая уже упоминавшиеся так называемые архивную и археографическую революции. Конечно, говорить о стагнации казакведческой мысли сегодня не приходится, но вместе с тем обращают на себя внимание определенные явления, такие, например, как проблема преемственности поколений. Мэтры, к сожалению, уходят либо публикуются не так часто, как в 1990-е – начале 2000-х гг. Некогда на Юге России «гремела» Ростовская казакведческая школа... сегодня в ИИМО ЮФУ по основному месту работы трудятся лишь трое историков-казакведов (доктора наук). Молодежь, ищущая себя в аспирантуре, неохотно рассматривает темы, связанные с историей казачества; неужели только потому, что много времени нужно проводить в архивах? Не уверен... Вместе с тем мне могут возразить, что в последние годы резко увеличилось число публикаций, относящихся к предметной области казакведения. Однако подобная квалиметрия не должна вводить в заблуждение...

Существенно сократилось количество как публичных, так и «удаленных» научных дискуссий, связанных с казакведческой проблематикой. Я с тихой грустью вспоминаю то прошлое время, когда в Краснодарском крае регулярно проводились *мощнейшие* конференции по истории и культуре казачества. В оргкомитет долгие годы входили ученые из КубГУ – профессора В. Н. Ратушняк, В. И. Черный, В. Е. Щетнев, руководитель краевого Комитета по охране памятников истории и культуры А. Ф. Ачкасова и многие другие специалисты. Эти конференции сыграли основополагающую роль, мне представляется, в развитии российского казакведения, если полагать, что историки обязательно должны встречаться на дискуссионных площадках и генерировать новые идеи. Сегодня же таких конференций стало меньше, а в целом сократилось количество подобных дискуссионных площадок. Не припомню, чтобы в последние годы имели место крупные дискуссии о происхождении казачества, о его участии в народных движениях и пр. Еще раз подчеркну, что либо молодежь не очень активно обращается к перспективным темам по истории и культуре российского казачества, либо потенциальные научные руководители не поспевают за анализом новых историографических явлений в пространстве достижений и проблем современного казакведения. Некоторые казакведческие штудии, выражусь аккуратно, сегодня испытывают влияние текущей политической повестки и пр.

Тем не менее в России активно трудится новое поколение историков-казакведов: кандидат исторических наук Рустем Равилевич Аминов (Казань), кандидат исторических наук Артем Юрьевич Перетятыко (Ростов-на-Дону). Впрочем, позволю грустную иронию: сегодня таких состоявшихся казакведов в возрасте до 39 лет, скорее всего, меньше количества казачьих войск периода заката Российской империи. Имеются, конечно, и более крупные историографические достижения по проблематике исторической картины мира казачества, истории его повседневности и воинской культуры, (доктора исторических наук О. В. Матвеев, М. А. Рыблова, Е. В. Годова и др.), по компаративному изучению каза-

чьих войск в Российской империи второй половины XIX в. (кандидат исторических наук А. А. Волвенко и др.).

Вместе с тем нужна, как минимум, одна новая кандидатская диссертация о прошлом все тех же казаков-некрасовцев. Сегодня все меньше исследователей (сейчас говорю даже не об историках младших поколений, а о маститых историках-казаковедах) изучают историю донского казачества, скажем, XVII–XVIII вв. Все меньше конкретно-исторических сюжетов по участию казачества в народных движениях России XVII–XVIII вв., при том что существенных успехов достигло такое направление, как социальная психология участников этих же движений (О. Г. Усенко, В. Я. Мауль, Е. Н. Трефилов). Современная историография в целом уделяет мало внимания (хотя имеются и существенные результаты – труды А. И. Агафонова, А. В. Дюкарева и др.) возможностям вспомогательных исторических дисциплин при изучении истории казачества. Ловлю при этом себя на мысли, что в моем научном творчестве таких сюжетов все больше. Поэтому в целом: для казаковедения сегодня сохраняются как немалые перспективы, так и «проблемные точки» дальнейшего роста и даже определенная стагнация тематических исследований.

Требуется академический диалог нового уровня, на новых площадках с целью изучения казачьих сообществ, кстати, с помощью творческого использования все того же «многострадального» историко-компаративного метода. Припоминаю разговор с одним коллегой – беседа зашла об истории донского казачества конца XVIII в. Я говорю примерно следующее: «А вот смотри, в это же время с Черноморским казачьим войском происходит то-то и то-то...». Он на меня недоуменно посмотрел и ответил: «Послушай, я не разбираюсь в истории черноморского казачества и мало что знаю об этом». Получается, что даже обилие освоенных региональной историографией *локальных* сюжетов по истории того или иного казачьего сообщества (войска) не всегда приводит к «кумулятивному» историографическому эффекту. Впрочем, я не считаю, что должна быть создана единая и непротиворечивая история казачества как явления российской и мировой истории. Хуже, когда историки-казаковеды

не стремятся рефлексировать по поводу явления общего и отличного, изучая «свое» казачье войско, «свое» казачье сообщество. Можно и нужно монографически изучать историю каждого конкретного войска, но при этом необходимо идти дальше... К сожалению, некоторые коллективные монографии построены путем изложения материала по истории какого-то количества войск по принципу: одна глава (параграф) – одно войско, без «перекрестного» показа казачьей истории, без общих выводов историко-сравнительного свойства. Хотя, возможно, в 1990-е гг. об этом было, наверно, рано думать. Вот обратите внимание, Анатолий Владимирович, в 1990-е – начале 2000-х гг., пока не были созданы новые монографии по истории Кубанского, Терского, Кавказского линейного и других казачьих войск, активно переиздавалась научная литература дореволюционного периода.

А. В. Крюков: Да-да, репринтных изданий тогда на Кубани было много.

Д. В. Сень: Да, книги Е. Д. Фелицына, Ф. А. Щербины, И. Д. Попки и многих других. Но ситуация меняется, создаются новые книги, включая коллективные монографии [14]. Не так давно усилиями большого авторского коллектива, в том числе нашего Института истории и международных отношений, был реализован новый большой научный проект – коллективная монография «История донского казачества» в трех томах [7]. Прямых аналогов в существующей историографии эта монография не имеет. Данный 3-томник под редакцией выдающегося ученого, профессора А. И. Агафонова, долго и непросто писался и, наконец, был издан большим тиражом в 2020 г. при поддержке областной администрации. Я имел честь руководить работой коллектива над первым томом – «История донского казачества в середине XVI – начале XVIII в.» [8], получив, уверяю, новый бесценный опыт редакторской работы.

Создаются новые монографии по истории Терского казачьего войска, например, кандидата исторических наук И. Х. Тхамоковой, замечательной исследовательницы из Нальчика [21]. По истории оренбургского казачества активно работает Е. В. Годовова [2] [3]. Новейшая историография истории донского

казачества немислима без обращения к трудам Н. А. Мининкова, А. А. Волвенко, А. В. Венкова, А. И. Агафонова, И. О. Тюменцева, А. В. Захаревича, О. Ю. Куца, А. П. Скорика и многих других. При этом мне по-прежнему кажется, что общих академических площадок для обсуждения итогов изучения конкретного войска нам все-таки не хватает. Между тем имеются общие историографические представления о таком явлении, как российское казачество эпохи империи, российское казачество эпохи народных движений в России либо же революционных событий начала XX в. и т.д. И все же при более глубоком анализе можно сделать вывод о том, что выявление общего и отличительного в прошлом казачества – не самая сильная сторона сегодняшнего российского казаковедения.

Не могу не сказать об уникальном опыте коллег, сумевших несколько лет назад создать замечательный международный авторский коллектив, издав коллективную монографию под названием «Казачество в тюркском и славянском мирах» [9]. И вновь, Анатолий Владимирович, обратите внимание на компаративистский характер книги, отраженный уже в названии. Этот проект, во многом уникальный для сообщества историков-казаковедов, в целом удался. Огромный фолиант объемом более 800 страниц получил высокие оценки специалистов. Многие востоковедные сюжеты по истории зарождения и развития казачества, все еще почитаемые некоторыми учеными маргинальными либо непоказательными для описания его сущности, получили в книге самое предметное освещение. Мне кажется, такой опыт можно и нужно продолжить и по отношению к истории других казачьих войск и сообществ.

А. В. Крюков: Надо полагать, что многое зависит от наличия активно действующих площадок для интеграции и научного диалога. Если эти площадки будут созданы, организованы, то, думается, будет достигнут и необходимый уровень приложения компаративного подхода. Семинар, который Вы регулярно проводите, является, возможно, тем ресурсом, с помощью которого в дальнейшем будет реализована еще более глубокая интеграция исследователей-казаковедов.

Следующий вопрос касается одного момента, который Вы уже затронули. Это качество научных исследований, зачастую не соответствующее их огромному количеству. Вопрос сугубо профессиональный, актуальный не только для историков или специалистов-гуманитариев, но и в целом для научного общества. Я не могу его не задать, потому что об этом говорят многие. Существующая система оценки достижений ученых, индексы, цитируемость, количество публикаций – все это оптимальный, на Ваш взгляд, подход? Или же количественные показатели отнюдь не показательны и более важны экспертные мнения о деятельности ученого – мнения коллег, представителей научной общественности?

Д. В. Сень: Во-первых, я хотел бы сказать о том, что наша, историков, профессиональная среда является и конкурентной, и конкурентоспособной. Мы все разные и пишем по-разному... Одни историки задают историографические тренды, другие все удивляются – как можно бесплатно опубликовать в России статью в журнале из базы Scopus (не шучу!). Второе – существует развитая и в целом удобная система показателей научной активности, квалиметрируемых результатов деятельности ученого, в которой нет ничего зазорного или дурного. При этом нормальный пишущий историк вряд ли будет говорить коллегам о величине своего «Хирша» или процентиля. Третье – иногда приходится обращать внимание на то, что некоторые коллеги хотя и выражают недовольство наукометрическими процедурами и инструментами, но сами при этом не слишком активны (в смысле публикационной активности, безусловно, отраженной в Российском индексе научного цитирования). Иными словами, совпадение небольшого количества работ и недовольства этой системой в данном случае весьма показательно, о большем умолчу...

Затем, сегодня грантовая деятельность занимает важное и достойное место в научной работе историка. А как здесь обойтись без демонстрации, хотя бы на уровне заявки, результатов тех исследований, работ, которые реализованы ранее (так называемый научный задел)? Мы, повторюсь, все разные, наши исследования имеют различные признаки ака-

демической успешности, включая характеристики публикационной активности; поэтому, вероятно, не все ученые-гуманитарии могут побеждать в конкурсах грантовых проектов. Некоторые даже не стремятся, будучи полны скепсиса по отношению к высокорейтинговым публикациям и прочим «помехам» научного признания и материального поощрения со стороны государства.

Я с Вами полностью согласен в том, что мы, историки, как члены конкретной коллаборации, знаем, кто из нас чего стоит в профессиональном отношении. Неформальные связи работают быстро и эффективно, иногда – с последствиями. Мы знаем, кто из коллег работает системно и «со знаком качества», а кто пытается угадать так называемую актуальную повестку; кто регулярно работает, к примеру, в архивах, кто и каким образом транслирует профессиональному сообществу новые идеи, гипотезы и концепции (или напротив – боится это делать), а кто в ряде случаев «замазан» в плагиате чужих текстов. Знаю одного «историка», который буквально охотится за архивными находками ученых, заказывает по их ссылкам дела в архивах, а затем публикует источники, выдавая за результаты собственной архивной эвристики. Таким образом, существует своя, неформальная, но тоже экспертная система оценивания проделанной историком работы, а также его репутации. Конечно, имеются более формализованные способы подобного оценивания – диссертационные советы, система рецензирования рукописей статей и пр. Таким образом, успешность и репутация историка зависят от многих факторов, и некоторые из них весьма специфичны. Но в целом, учитывая состояние нашего сообщества, наличие в нем конкурентной среды, можно признать нормальными практики «академического поклевывания». С одной стороны, они дисциплинируют каждого «нормального» исследователя, с другой стороны, как это не покажется странным, способны вызывать в историке дефицитное чувство иронии и самоиронии.

Едва ли не самое главное – создаваемые нами тексты, больших и малых форм (люблю писать тезисы, эдакий «оселок» для тренировки ума!). Искренне убежден в том, что ре-

зультативность трудов историка, степень его мастерства и, наконец, репутация оцениваются, прежде всего, по создаваемым им текстам. Тексты невероятным образом влияют на нашу жизнь, не говоря уже о пространстве творческой лаборатории историка и ее «обитателях». Тексты говорят порой о нас больше, чем мы себе представляем. Иногда сталкиваешься с мнением коллег: «Ой, было бы неплохо, если бы эту статью ты опубликовал где-нибудь в центральном издании». Но ведь качество текста гораздо важнее, «проходной» текст нельзя спрятать от придирчивого взора коллег-профессионалов под обложкой, что называется, «столичного» или «скопусовского» издания. Лично мне все равно, где публиковать большинство своих текстов (надеюсь, что из вышесказанного понятно – почему): историки, при наличии интереса, смогут его прочитать, невзирая на статус журнала. При этом, Анатолий Владимирович, у меня все в порядке с так называемыми высокорейтинговыми публикациями. Таким образом, коллегам, прежде всего молодым, не стоит устраивать соответствующие «гонки по вертикали» в пространстве и без того конкурентной среды современных историков – это чревато репутационными и прочими профессиональными потерями.

А. В. Крюков: Большое спасибо за ответ. В следующем вопросе мне хотелось бы затронуть другой аспект Вашей деятельности. Вы выступаете не только как исследователь, организатор науки, но и как педагог высшей школы, обладающий, если я не ошибаюсь, четвертьвековым опытом преподавательской работы. В данной связи вопрос: скажите, пожалуйста, по Вашему мнению, отличаются ли студенты начала нулевых от студентов первой половины 2020-х гг.? Если да, то в чем тогда отличие?

Д. В. Сень: В первую очередь, сегодняшние студенты отличаются от нас времен нашего же студенчества, что нормально и естественно. Меняются поколения историков, развивается методика исторической науки – в том числе в формате ее преподавания; соответственно, меняется и студенчество, получающее историческое образование. Правда, уже не во всех классических вузах Юга России чи-

таются, скажем, такие учебные курсы, как «Археография» и «Архивоведение». Существенно изменилась среда, в пространстве которой приобретает высшее образование. Условий для развития у студентов сегодня стало явно больше, но в своей массе они читают меньше и хуже воспринимают лекционный материал. Обилие гаджетов, обилие источников информации (но, выражусь с горькой иронией, не обилие *текстов* исторических источников на партах и экранах ноутбуков) вовсе не спасает от существенного недопонимания причинно-следственных связей, общего и особенного в историческом процессе. Я с огорчением отмечаю снижение студенческого интереса к *проговариванию* и творческому обсуждению того или иного исследовательского кейса, вынесенного, скажем, в формат практических занятий. Порой складывается впечатление, что студенты воспринимают учебные курсы, скажем, истории России (Всеобщей истории), историографии, источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как отдельные и не зависящие друг от друга. Поэтому мне кажется, что студенты «сегодняшнего дня» должны обратить самое пристальное внимание на развитие собственных аналитических навыков, являющихся одним из атрибутов высшего образования. Хотелось бы, чтобы студенты умели и любили вступать в диалог с прошлым не столько через экран мобильного устройства, сколько через умения задавать прошлому вопросы, извлекать из источников все новую и новую информацию, учиться формировать свою точку зрения с опорой на лучшие историографические практики. Хотелось бы от современных студентов *долгого сосредоточения* на пути познания прошлого...

А. В. Крюков: В связи с отмеченными Вами тенденциями задам следующий вопрос: не думаете ли Вы, что снижение интереса студентов к чтению книг может оказать негативное влияние их на последующую работу (если они, конечно же, выберут стезю ученого) с историческими источниками. Ведь они, по большей части, являются письменными. И такая природа делает невозможной полную их трансформацию в какую-либо автоматизированную форму. Текст необходимо

читать что называется глазами, а его установление – подчас долгий и трудоемкий процесс. Я уже не говорю о внешней критике источников. Считаете ли Вы, что подобного рода моменты, связанные с «нелюбовью» к чтению, окажут отрицательное влияние на развитие исторической науки?

Д. В. Сень: Согласен, печальные последствия подобного состояния дел в сфере гуманитаристики и высшего исторического образования могут сказаться на будущем исторической науки. Ведь то или иное поколение историков на каком-то этапе неизбежно сменит предыдущее... У будущего профессионала должны быть сформированы устойчивые навыки не только поиска соответствующей информации, литературы, но и умения работать с историческими источниками. Это будет способствовать развитию критического мышления и исследовательского кругозора, поможет выбрать тематику будущей научной работы. А как же молодежи в ином случае сориентироваться в пространстве сотен и тысяч работ, скажем, по истории того же казачества? Как определиться с направленностью собственного научного поиска? Наконец, студентам неплохо бы учиться и с помощью такого подспорья, как научные труды их преподавателей и научных руководителей, ведь почти все мы, вузовцы, – практикующие (пишущие) историки. Но это тоже отдельная, почти печальная, история...

А. В. Крюков: Спасибо большое за ответ. На протяжении длительного времени, практически, наверное, с 1990-х гг., в общественном сознании доминирует идея о том, что гуманитарное образование не слишком хорошо применимо на практике. Что Вы об этом думаете?

Д. В. Сень: Здесь важно четко представлять, что мы понимаем под практикой. С формальной точки зрения, выходит, что сегодня нет резона изучать последствия, скажем, Куликовской битвы. Какова практическая польза от понимания особенностей модернизации России хоть в петровский, хоть в постпетровский периоды? Конечно, как и Вы, я понимаю, что новые *практики* историописания нужны как воздух профессиональному сообществу и исторической науке в целом. Но, очевидно, Ваш вопрос о другом... Поэтому практическое

использование исторического знания может быть связано с символическими нуждами, с *вопросами* современного общества, вновь и вновь соотносящего свою жизнь с опытом предыдущих поколений.

Если общество стремится к преодолению каких-то исторических травм, своего посттравматического состояния (в связи с теми или иными историческими событиями), к критическому осмыслению того или иного периода в истории своей страны и своего места в этой истории, тогда можно говорить о практической пользе от исторического знания. В противном случае почти неизбежно, что многие знания не просто породят многие печали, но будут раздражать современников и своим обилием, и множественностью интерпретационных моделей... Порой мне кажется, что общество в этом смысле не очень положительно реагирует на разнообразие форм и методов реализации научного исторического знания, неохотно пересматривает устоявшиеся *«истинные»* представления о прошлом. Очень многое поэтому зависит от степени открытости / закрытости самого социума, от управления политикой исторической памяти, в том числе со стороны государства, и, конечно, от (не)готовности общества воспринимать прошлое как повествование о людях и их судьбах, об их влиянии на историю как на процесс. Сегодня общество более равнодушно и спокойно относится к возможностям овладения знанием о своем прошлом, на что, конечно, имеются причины.

Вероятно, академическое (строгое) знание зачастую вызывает у социума отторжение также своей «холодностью», непонятностью, наличием противоречивых и абстрактных (с точки зрения общества) объяснительных моделей. Возвращаясь к Вашему вопросу о Рунете – сегодня многие историки достаточно активны на различных каналах и, прежде всего, в пространстве Рунета. Полагаю, что в этом смысле историки могут быть поближе к обществу, не забывая, безусловно, о своей профессиональной культуре. Угодить социуму в поисках, скажем, «самой древней» истории, например, казачества, конечно, не следует, но и закрываться в «башне из слоновой кости» тоже не стоит. Наконец, историкам нуж-

но более спокойно отнестись к устоявшемуся представлению о том, что они (точнее, мы!) потеряли монополию на создание и трансляцию знания о прошлом. Право, историкам еще есть чем заниматься в профессиональном плане!

А. В. Крюков: То есть деятельность по популяризации исторического знания, новейших исторических открытий – это одна из важнейших сторон деятельности профессионального историка. Я правильно понимаю?

Д. В. Сень: Да, вне всякого сомнения. К примеру, в МГУ много лет реализовывалась замечательная форма знакомства студентов и преподавателей с итогами очередного полевого сезона Новгородской археологической экспедиции, связанного с поиском и интерпретацией новооткрытых берестяных грамот. До недавнего времени проект (видеозаписи которого имеются в Рунете) возглавлял академик РАН А. А. Зализняк; теперь им руководит другой выдающийся ученый – член-корреспондент РАН А. А. Гиппиус. Археологи, к слову, выделяются завидным постоянством в презентации «городу и миру» итогов того или иного очередного полевого сезона. Так почему бы историкам, активно работающим в федеральных и государственных архивах (поскольку архив – тоже Поле!), не выступать перед студентами и другими представителями современного российского общества с итогами своих славных «полевых разысканий»? Вот, обращаюсь к *«обществу»* с таким предложением...

А. В. Крюков: Спасибо большое за ответ. И, наверное, традиционный вопрос для любой беседы с ученым – о проблематике, над которой Вы работаете. Что волнует Вас сейчас, в настоящее время? И, наконец, какое место в исследуемых Вами проблемах занимают вопросы, связанные с межкультурной коммуникацией, которая является одним из важных тематических аспектов публикационной деятельности нашего журнала?

Д. В. Сень: Имеется несколько проектов, Анатолий Владимирович, над которыми я тружусь последние годы с переменным успехом. Это, прежде всего, история казачества на Дону и на Северном Кавказе (вторая половина XVI–XVIII в.). По предложению Ин-

ститута российской истории РАН (ИРИ РАН) я написал несколько «казачьих» параграфов в разные тома новейшей «Истории России» в двадцати томах, правда, пока не вышедшие. Среди тематик, также активно интересующих меня сегодня, – история пограничных сообществ и пограничной дипломатии и, конечно, история межкультурной коммуникации в пространстве южного пограничья [19]. Прежде всего, это казаки и номады, подданные России и Крымского ханства. Меня невероятно увлекла в последние годы тема таких культурных медиаторов, как толмачи и переводчики, в истории крымско-османско-российских отношений на Юге в XVII–XVIII вв. [20] [10]. Последняя тема дала любопытное ответвление – и в моем научном творчестве появились также статьи по истории толмачей и переводчиков в Войске Донском XVIII в. А в мае 2024 г. вместе с коллегами из ИРИ РАН мы провели в ИИМО ЮФУ замечательное научное мероприятие – Всероссийский научно-практический семинар «“Соединяя миры”: толмачи и переводчики в России второй половины XVI – начала XIX в. (структуры, коммуникации, языки)». Вообще же тема толмачей и переводчиков оказала сильное влияние на расширение моего научного кругозора, на развитие моей творческой лаборатории, в том числе совершенствование используемых исследовательских методик.

Изучая источники по истории населения южного фронта, я в последние годы уже автоматически задаю себе вопросы: на каких же языках общались в тот или иной период участники пограничной жизни, кто выступал в роли переговорщика, кто толмачил устные речи сторон, а кто – письменные документы, например, адресованные азовским воеводам с Кубани в конце XVII – начале XVIII в.? Любопытно, что уже воеводы создали оригинальную систему переводов писем с ряда восточных языков, о которой нам было мало что известно до недавнего времени. До сих пор привыкаю к мысли о том, что мне вновь неслучайно повезло в исследовательском плане: тема устной и письменной коммуникации в пространстве южного пограничья и сегодня остается почти «непаханой», исторического материала – огромное количество (на который колле-

ги почти не обращали внимания, за исключением Б. Боука и некоторых других), не говоря о том, что буквально на глазах расширяется сфера применения полученных результатов, в том числе по отношению к более крупным темам из истории южного пограничья.

Другая обширная и заметная тема, интересующая меня в последние годы, – пограничная коммуникация Войска Донского и османского Азова второй половины XVI – первой трети XVIII в. (в том числе практики «замирения»/ «розмирения»). Уже сейчас собран довольно значительный материал, нужно посмотреть, исходя из накопленного объема, в какой форме он будет реализован; быть может, это окажется книга. При этом я терпеливо и последовательно апробировал промежуточные результаты работы над этой новой и даже необычной для казаковедения темой, в том числе встречая, не скрою, критику со стороны коллег. Замечу, что ракурс истории османско-казачьих отношений действительно был избран вопреки (не специально, поверьте!) господствующему историографическому нарративу о так называемой вековой борьбе казаков и азовцев. Представляется, что пространство пограничной коммуникации сторон не нужно представлять территорией исключительной конфронтации – здесь имелись различные формы пограничного взаимодействия. Это касается истории взаимоотношений донцов как с азовцами, так с ногайцами и с калмыками. Историография часто намеренно недооценивала внеконфронтационные формы коммуникации людей пограничья, в том числе настроенных на узнавание живущих рядом и попытки договариваться с ними. Выясняется, что традиция пограничной коммуникации (включая замирение) в отношениях между донцами и азовцами сформировалась достаточно рано, уже в 1570–1580-е гг., просуществовав с перерывами до первой трети XVIII в. Это потрясающе! И вот тема мировщиков с обеих сторон – она как раз об этом, поскольку донцы столь активно мирились с турками-османами, столь активно с ними воевали. Подобные ритмы пограничной жизни и коммуникации, включая пограничную дипломатию казаков и азовцев, невероятно интересуют и увлекают меня в последние годы. И эта тема тоже меня сильно

изменила как исследователя – собственно, без изучения *людей пограничья* я себя не мыслю ни как исследователь-казаковед, ни как пишущий историк со стажем...

Еще одна тема, о которой я говорил чуть выше, это история горских евреев Северного Кавказа. Вместе с коллегами из Краснодара и Нальчика мы уже второй год реализуем крупный научный проект. Получен грант Российского научного фонда по теме «Западно-кавказский культурный ареал горских евреев: история, идентичности, общинные структуры». Речь, прежде всего, идет о так называемых джегонасских (кубанских) горских евреях, а также о нальчикских горских евреях, начиная с дореволюционного периода их прошлого и заканчивая событиями XX в. Коллеги неоднократно ездили в этнографические экспедиции к горским евреям в Нальчик, мне же довелось поработать в четырех архивах Кабардино-Балкарии и Ростовской области. К слову, осенью увидит свет тематический номер журнала «Этнографическое обозрение» по истории и культуре горских евреев. Будут там и наши с коллегами статьи!

А. В. Крюков: Спасибо большое за столь полный и всеобъемлющий ответ. В завершение нашего интервью, что бы Вы хотели пожелать коллегам-историкам: и маститым исследователям, и тем, кто только начинает свой путь в науке?

Д. В. Сень: Спасибо, но давать какие-то существенные и серьезные советы своим коллегам не стану, – прежде всего, у меня нет для этого моральных оснований. Но если отвечать чуть иронично, то историкам, вероятно, стоит почаще выбираться из «башни из слоновой кости», в том числе для того, чтобы транслировать коллегам свою рефлексию о том, как, почему и зачем мы изучаем «свои» темы. Это прелюбопытно (и, к сожалению, показательно для состояния региональной научной коллаборации), но значительная часть историков активно уклоняется от участия в развитии исторической науки путем нарративизации «историй историков». Начинаю подозревать, что наша региональная профессиональная корпорация признает такое право лишь за мэтрами, и без того задающими многие историографические тренды (определение перспек-

тивных тематик, руководство авторскими коллективами и пр.).

Между тем подобная авторская рефлексия, подобное автобиографическое начало в структуре современного научного нарратива представляются невероятно актуальными и даже злободневными. Не станем забывать о том, что работа с историографическими источниками не просто важна для историка – она исключительно сложна. Создавая сегодня научные труды, вполне уместно говорить в том числе о наших мотивах и причинах выбора научной темы или проблемы, о реализуемом историком процессе познания – на фоне личных практик, скажем, поиска и интерпретации источников, верификации гипотезы в общении с коллегами и пр. Говоря другими словами – это может быть авторский нарратив о создаваемом тексте как о части «территории историка», определение границ которой (применительно к практикам *конкретного* историка) порой вызывает затруднения у *последующих* историографов. Мне кажется, что современный историк в этом смысле может стать более открытым и коммуникативным в общении с коллегами по цеху и даже пытаться создавать новые академические площадки для перспективного историографического обсуждения подобных рефлексий. Ведь, что греха таить, обстановка, сопровождающая наши выступления на конференциях (прежде всего, речь об «убийственном» регламенте 10–15 минут на доклад), явно не располагает к подобному «препарированию» историком своей авторской логики и пр. Кулуарное же общение с коллегами – само собой, но это совершенно не то, о чем писалось выше. Полагаю, что развитие общими усилиями постнеклассических форм и методов исследования историографической культуры Юга России пригодится любому историку. Кроме того, я пожелал бы всем своим коллегам новых отменных текстов и заинтересованных читателей-профессионалов, подвигающих авторов на дискуссию! Нам, историкам-казаковедом, явно не хватает новых научных дискуссий по тематике происхождения казачества, классификации казачьих сообществ, участия казаков в народных движениях, решения так называемого казачьего вопроса в Российской империи XIX в.

и пр. От души приглашаю всех казаковедов к выступлениям со своими идеями на нашем ДКНС! Наконец, пожелаю всем ученым-историкам оставаться таковыми (лишний раз обращусь к первой части названия интервью, обладающей, признаюсь, особым смыслом) – несмотря на различные так называемые актуальные повестки, на соблазны «закрывать» своими трудами ту или иную тему или, напротив, на временные трудности с непризнанием среди коллег своих находок, гипотез, концепций. Быть добру!

Начинающим же историкам пожелаю не терять оптимизма и драйва на пути обретения *своей* темы (быть может, не единственной, что тоже нормально!), своей дороги к овладению мастерством историка. Не стоит бояться решения трудных исследовательских вопросов – как уже имеющих прочную историографическую основу, так и тех, которые ранее не формулировались в науке либо по какой-то причине считались маргинальными или непоказательными в пространстве «престижных»

казаковедческих тематик. Также им стоит пожелать скорейшего изменения своего отношения к историографии и источниковедению, в общем-то недолюбливаемым частью современного студенчества. Стоит научиться управлять и этим знанием, без чего стать думающим и востребованным историком почти невозможно. Наконец, обращаясь к молодым же историкам: места в науке хватит всем!

А. В. Крюков: Благодарю Вас, Дмитрий Владимирович, от лица нашей редакции за подробные и обстоятельные ответы. Позвольте еще раз поздравить Вас с прошедшим юбилеем, пожелать здоровья и дальнейших творческих успехов. Спасибо большое!

Д. В. Сень: Спасибо, Анатолий Владимирович, за время, уделенное нашему сегодняшнему продолжительному разговору, за то, что были сегодня рядом. Буду надеяться на развитие нашего с Вами многолетнего общения и сотрудничества, в том числе по части обработки и публикации интервью в Вашем замечательном журнале! Спасибо!

Special guest:**Dmitry V. SEN'**

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
dsen1974@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5222-4685

Interviewer:**Anatoliy V. KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History), Academic Secretary,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation
anatoly.kryukow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7919-3938

***Becoming a Historian and Remaining One:
Practices of the Professional Path of a Cossack Researcher
(Interview with Dmitry Sen')***

The interview was recorded on August 22, 2024

Abstract. In an interview with Dmitry Sen', a well-known researcher of the history of the South of Russia, Doctor of Historical Sciences, professor of the Southern Federal University, timed to coincide with his 50th anniversary, the main stages of his professional biography and the formation, development of his scientific worldview are reflected. The interviewee's extensive scientific and pedagogical experience allowed him to give an expert assessment of a wide range of issues considered in the space

of research reflection. Professor Sen' analyzes the factors that influenced his future professional choice since his school years, recalls the years of study at the Kuban State University, and characterizes the galaxy of his mentors – talented teachers and researchers devoted to science. The interviewee's first steps in science are described, and the gradual expansion of the subject field of his research is shown: from the study of the Nekrasov Cossacks (Don Cossacks who fled to Kuban after the defeat of Kondraty Bulavin's uprising in the early 18th century) to the analysis of the relations of the Don and North-western Caucasus Cossacks with the Muslim states of the Black Sea region in the second half of the 17th – early 19th centuries and the historically complex system of Russian-Crimean-Ottoman relations, etc. One of the leitmotifs of the conversation was the importance of the researcher's direct work with historical sources; both the potential heuristic inexhaustibility of the historical source and the possibility of unlimited knowledge of any problem related to understanding the past are emphasized. The interlocutors point to the growing relevance of using high technologies in a historian's scientific work. Considerable attention is paid to various aspects of the social functions of historical knowledge at the present stage. The advantages of using the historical-comparative approach in studying the history of the Cossack troops are repeatedly noted in the interview. The value of the researcher's professional reflection as one of the foundations of the evolution of historical knowledge and improvement of the culture of scientific dialogue is emphasized. The expert attitude of Professor Sen' to modern trends in the development of Cossack studies is reflected; the historiographical situation that has developed at present in this field is characterized; the existing achievements and problems are analyzed. It is concluded that the development of Cossack studies lies in the plane of establishing an academic dialogue at a new level, using new platforms based on the creative application of the same historical-comparative method and expanding the subject field of promising Cossack studies.

Abstract. Dmitry Sen', Cossack studies, history of Cossacks, Nekrasov Cossacks, Don Army, Don Cossacks, Mountain Jews, professional reflection of historian.

Использованная литература:

1. Бондарь В. В. Войсковой город Екатеринодар. 1793–1867 гг.: Историко-культурная специфика и функциональная роль в системе городских поселений Российской империи. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт Наследия, 2023. 202 с. DOI 10.34685/HI.2023.25.93.005.
2. Годовова Е. В. Оренбургское казачье Войско в 1798–1865 годах. Самара: Универс-групп, 2007. 224 с.
3. Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 464 с.
4. Донские архивы. Виртуальный архив Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <https://donarch.ru/> (дата обращения: 23.08.2024).
5. Исаев Д. П. Автобиографическое в научном нарративе: история и личный опыт историка (предварительные заметки) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 4. С. 50–55. DOI 10.18522/2687-0770-2023-4-50-55.
6. «Историк живет в окружении источников»: интервью с профессором СПбГУ Борисом Мироновым [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. URL: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/istorik-zhivet-v-okruzenii-istochnikov-intervyu-s-professorom-spbgu> (дата обращения: 22.08.2024).
7. История донского казачества: коллектив. моногр.: в 3 т. / отв. ред. А. И. Агафонов. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2020.

References:

1. Bondar', V.V. (2023) *Voyskovoy gorod Ekaterinodar. 1793–1867 gg.: Istoriko-kul'turnaya spetsifika i funktsional'naya rol' v sisteme gorodskikh poseleniy Rossiyskoy imperii* [The Military City of Ekaterinodar. 1793–1867: Historical and Cultural Specificity and Functional Role in the System of Urban Settlements of the Russian Empire]. 2nd ed. Moscow: Heritage Institute. 202 p. DOI: 10.34685/HI.2023.25.93.005.
2. Godovova, E.V. (2007) *Orenburgskoe kazach'e Voysko v 1798–1865 godakh* [Orenburg Cossack Army in 1798–1865]. Samara: Univers grupp. 224 p.
3. Godovova, E.V. (2020) *Povsednevnyaya zhizn' rossiyskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Everyday Life of the Russian Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 464 p.
4. *Donskie arkhivy. Virtual'nyy arkhiv Rostovskoy oblasti* [Don Archives. Virtual Archive of Rostov Oblast]. [Online] Available from: <https://donarch.ru/> (Accessed: 23.08.2024).
5. Isaev, D.P. (2023) *Autobiographical in the Academic Narrative: History and Personal Experience of a Historian (Preliminary Notes)*. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*. 4. pp. 50–55. (In Russian). DOI: 10.18522/2687-0770-2023-4-50-55
6. St Petersburg University. (2024) *“Istorik zhivet v okruzenii istochnikov”: interv'yu s professorom SPbGU Borisom Mironovym* [“A Historian Lives Surrounded by Sources”: Interview With St Petersburg University Professor Boris Mironov]. [Online] Available from: <https://spbu.ru/news-events/krupnym-planom/istorik-zhiv->

8. История донского казачества: коллектив. моногр.: в 3 т. / отв. ред. издания А. И. Агафонов. Т. 1: Донское казачество в середине XVI – начале XVIII в. / отв. ред. тома Д. В. Сень. Ростов н/Д.: Омега Паблшер, 2020. 287 с.
9. Казачество в тюркском и славянском мирах: коллектив. моногр. / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2018. 804 с.
10. Колесов В. И., Сень Д. В. «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши оригинальное письмо и перевод с оног...»: практики российско-османской коммуникации в Северном Причерноморье (1792–1828 гг.) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2020. № 12. С. 602–645. DOI 10.24411/2713-2021-2020-00019.
11. Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 353–364.
12. Межрегиональный «Донской казачеведческий научный семинар» [Электронный ресурс] // Дзен. URL: <https://dzen.ru/id/6601461fb54bef2dd4fb30e5> (дата обращения: 14.09.2024).
13. Официальный сайт Федерального архивного агентства (Росархива) [Электронный ресурс]. URL: archives.gov.ru (дата обращения: 21.10.2024).
14. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллектив. моногр. / под ред. Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоград. филиала Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы, 2014. 623 с.
15. Сень Д. В. Горские евреи Северного Кавказа в условиях (пере)конструирования группы: вторая половина 1920-х – начало 1930-х гг. // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 5. С. 10–28.
16. Сень Д. В. Деятельность шпионов атамана И. Некрасова на территории Российского государства (1708 г. – 1720-е гг.) // *История: факты и символы*. 2021. № 3. С. 82–93. DOI 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-93.
17. Сень Д. В. Деятельность шпионов атамана И. Некрасова на территории Российского государства (1708 г. – 1720-е гг.) // *История: факты и символы*. 2021. № 4. С. 134–143. DOI 10.24888/2410-4205-2021-29-4-134-143.
18. Сень Д. В. К вопросу о характере ухода на Кубань донских казаков в августе 1708 г. // *Историко-культурное наследие и современность: материалы республиканской науч.-практ. конф.* (Ейск, 20–24 июня 1995 г.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1995. С. 13–15.
19. Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII – XVIII в.): избр. тр. / отв. ред. В. В. Трепавлов. Ростов н/Д.: Альфаир, 2020. 420 с.
20. Сень Д. В. Толмачи и переводчики в деятельности воеводской администрации Азова (конец XVII – начало XVIII в.) // *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы Междунар. науч. конф.* М.: Ин-т рос. истории Рос. Акад. наук, 2019. С. 134–143.
21. Тхамокова И. Х. Терское казачество в этнокультурном пространстве Северного Кавказа (XVI – начало et-v-okruzhennii-istochnikov-intervyu-s-professorom-spbgu (Accessed:22.08.2024).
7. Agafonov, A.I. (ed.) (2020) *Istoriya donskogo kazachestva: kolektiv. monogr.: v 3 t.* [History of the Don Cossacks: Collective. Monograph: In 3 Volumes]. Omega Publisher.
8. Agafonov, A.I. (ed.) (2020) *Istoriya donskogo kazachestva: kolektiv. monogr.: v 3 t.* [History of the Don Cossacks: Collective. Monograph: In 3 Volumes]. Vol. 1. Rostov-on-Don: Omega Publisher. 287 p.
9. Gribovskiy, V.V. & Trepavlov, V.V. (eds) (2018) *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirakh: kolektiv. monogr.* [Cossacks in the Turkic and Slavic Worlds: Collective. Monograph]. Kazan: Khalikov Institute of Archaeology, Tatarstan Academy of Sciences. 804 p.
10. Kolesov, V.I. & Sen', D.V. (2020) "Accompanying Here the Original Paper Came From the Most Venerated Mustafa Pasha of Anapa and a Translation From It...": Russian-Ottoman Communication's Practices at the Northern Black Sea Coastshore (1792—1828). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*. 12. pp. 602–645. (In Russian). DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019
11. Lotman, Yu.M. (1994) *Iz'yavlenie Gospodne ili azartnaya igra? (Zakonomernoe i sluchaynoe v istoricheskom protsesse)* [Statement of the Lord or a Gamble? (The Natural and the Accidental in the Historical Process)]. In: Kpshelev, A.D. (ed.) *Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School]. Moscow: Gnozis. pp. 353–364.
12. Dzen. (2024) *Mezhregional'nyy "Donskoy kazachevedcheskiy nauchnyy seminar"* [Interregional "Don Cossack Studies Scientific Seminar"]. [Online] Available from: <https://dzen.ru/id/6601461fb54bef2dd4fb30e5> (Accessed: 14.09.2024).
13. *Ofitsial'nyy sayt Federal'nogo arkhivnogo agentstva (Rosarkhiva)* [Official Website of the Federal Archival Agency (Rosarkhiv)]. [Online] Available from: archives.gov.ru (Accessed: 21.10.2024).
14. Matishev, G.G. & Tyumentsev, I.O. (eds) (2014) *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd: Volgograd Branch of RANEP. 623 p.
15. Sen', D.V. (2024) *Gorskie evrei Severnogo Kavkaza v usloviyakh (pere)konstruirovaniya gruppy: vtoraya polovina 1920-kh – nachala 1930-kh gg.* [Mountain Jews of the North Caucasus in the Context of (Re)Construction of the Group: Second Half of the 1920s – Early 1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 10–28.
16. Sen', D.V. (2021) *Activities of the Spies of Ataman Necrasov in the Territory of the Russian State (1708–1720s). Istoriya: fakty i simvol'y.* 3. pp. 82–93. (In Russian). DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-82-93
17. Sen', D.V. (2021) *Activities of the Spies of Ataman Necrasov on the Territory of the Russian State (1708-1720s) Part 2. Istoriya: fakty i simvol'y.* 4. pp. 134–143. (In Russian). DOI: 10.24888/2410-4205-2021-29-4-134-143
18. Sen', D.V. (1995) [On the Nature of the Departure of the Don Cossacks to Kuban in August 1708]. *Istoriiko-kul'turnoe nasledie i sovremennost'* [Historical and Cultural Heritage and Modernity]. Conference Proceedings. Eysk. 20–24 June 1995. Krasnodar: Kuban State University. pp. 13–15. (In Russian).

XX в.). Налчик: Кабардино-Балкар. науч. центр Рос. акад. наук, 2017. 460 с.

22. Шкуро В. И. Вольная казачья республика на Кубани и судьба ее обитателей // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1993. С. 4–21.

23. Юрченко И. Ю., Арнольд Р. Казачество в истории и историографии: новые сюжеты, подходы и методы изучения казаков на круглом столе в ЮФУ // Новое прошлое / The New Past. 2020. № 4. С. 308–313. DOI 10.18522/2500-3224-2020-4-308-313.

19. Sen', D.V. (2020) *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'je: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII – XVIII v.): Izbr. tr.* [Russian-Crimean-Ottoman Borderland: Space, Phenomena, People (Late 17th – 18th Centuries): Selected Works]. Rostov-on-Don: Al'tair. 420 p.

20. Sen', D.V. (2019) *Tolmachi i perevodchiki v deyatelnosti voevodskoy administratsii Azova (konets XVII – nachalo XVIII vv.)* [Interpreters and Translators in the Activities of the Azov Voivodeship Administration (Late 17th – Early 18th Centuries)]. *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya* [Translators and Translations in Russia in the Late 16th – Early 18th Centuries]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. pp. 134–143. (In Russian).

21. Tkhamokova, I.Kh. (2017) *Terskoe kazachestvo v etnokul'turnom prostranstve Severnogo Kavkaza (XVI – nachalo XX v.)* [Terek Cossacks in the Ethnocultural Space of the North Caucasus (16th – Early 20th Centuries)]. *Nal'chik: Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 460 p.

22. Shkuro, V.I. (1993) *Vol'naya kazach'ya respublika na Kubani i sud'ba ee obitateley* [Free Cossack Republic in Kuban and the Fate of Its Inhabitants]. In: *Iz dorevol'yutsionnogo proshlogo kubanskogo kazachestva* [From the Pre-revolutionary Past of the Kuban Cossacks]. *Krasnodar: Kuban State University*. pp. 4–21.

23. Yurchenko, I.Yu. & Arnol'd, R. (2020) Cossacks in History and Historiography: New Topics, Approaches, and Methods to the Study of Cossacks at the Round Table in SFedU. *Novoe proshloe/The New Past*. 4. pp. 308–313. (In Russian). DOI: 10.18522/2500-3224-2020-4-308-313

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сень, Д. В. Стать историком и оставаться им: практики профессионального пути исследователя казачества (беседа с Дмитрием Владимировичем Сенем) [интервью с известным российским историком / интервьюер А. В. Крюков]. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.39.3.004 // *Наследие веков. – 2024. – № 3. – С. 50–75. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/638/530> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ)...*

Full bibliographic reference to the article:

Sen', D.V. & Kryukov, A.V. (2024) Becoming a Historian and Remaining One: Practices of the Professional Path of a Cossack Researcher (Interview with Dmitry Sen'). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 50–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.38.2.004